

**АДЪЕКТИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ МАЯКОВСКОГО:
СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

© 2018 г. Я. Кицлерова

Mgr., Ph.D., старший преподаватель кафедры восточноевропейских исследований философского факультета
Карлова университета, пл. Яна Палаха 2, 116 38 Прага 1, Чешская республика
jana.kitzlerova@ff.cuni.cz

Дата поступления материала в редакцию 21 февраля 2018 г.

**MAYAKOVSKY'S ADJECTIVE NEOLOGISMS: THEIR STRUCTURE,
PRINCIPLES OF COMPOSITION AND USE IN CONTEMPORARY RUSSIAN**

© 2018 Jana Kitzlerova

Mgr., Ph.D., Assistant Professor at the Department of East European Studies, Faculty of Arts, Charles University,
J. Palacha 2, 116 38 Praha 1, Czech Republic
jana.kitzlerova@ff.cuni.cz.

Received by Editor on February 21, 2018

Предметом настоящего исследования являются адъективные неологизмы, возникшие путем соединения двух или уже существующих в языке лексических единиц, или существующего и нового слова, которые Маяковский употребляет в своей поэзии. Целью данной работы является описание структуры неологизмов, процесса их образования и, самое актуальное – анализ их дальнейшего употребления в современном русском языке. На примере многих неологизмов подтверждается заранее сформулированный тезис о метонимическом принципе как основном способе образования неологизмов. Проведенное исследование позволяет сделать несколько интересных выводов, не засвидетельствованных ранее в специальной литературе: во-первых, авторство многих неологизмов приписывается Маяковскому ошибочно, во-вторых, большое количество неологизмов того времени продолжает использоваться в языке, причем без потери исходной семантики.

This paper analyzes adjective neologisms, created either by connection of two already existing words or by connection of an existing word with neologism, occurring in the poetry of Vladimir Mayakovsky, their structure and their later use, especially in contemporary Russian. It is argued that the main principle of their composition is metonymy, and that creation of some of the neologisms is wrongly attributed to Mayakovsky, while others are still active in contemporary Russian even with unchanged semantics. Attention is paid also to the stylistic level of the usage of neologisms that is often the only indicator pointing to their development over time.

Ключевые слова: Маяковский, неологизмы, имена прилагательные, метонимия, современный русский язык.

Key words: Mayakovsky; neologisms; adjectives; metonymy; contemporary Russian.

DOI: 10.31857/S241377150003061-0

Владимир Маяковский за время своего творческого пути создал и ввел в свои поэтические произведения множество неологизмов, благодаря чему заслужил звание новатора языка [2], также [3, с. 690–714], также [4, с. 383–415]. Многие неологизмы сохранились не только в его поэзии¹, но и нашли свое место в повседневном языке, где уже не ощущаются как новообразования, хотя большинство из них никогда не подвергалось кодификации. Целью настоящего исследования является описание созданных Маяковским адъективных неологизмов с точки зрения их структуры и определение их роли в современном русском языке. Предметом нашего исследования будут лексические единицы, автором которых был сам Маяковский, заимствованные же слова, которые некоторые исследователи также относят к неологизмам, останутся за пределами нашего внимания². Обилие неологизмов наряду с огромным количеством метафор [5, с. 58–70] и других тропов характерны для поэзии Маяковского и отражают его непрерывное стремление искать и находить новые формы и содержания, для которых привычных языковых средств ему не хватало. Неологизмы с художественной метафорой и метонимией объединяет тот факт, что их появление может быть обусловлено рядом ассоциаций, которые последовательно вызывают все новые и новые ассоциации. Целью применения всех этих языковых средств является интенсификация высказывания [6, с. 49–68], эффект, который был для творчества Маяковского определяющим.

Ася Гумески [7] отыскала и упорядочила все неологизмы, зафиксированные в произведениях Маяковского. Например, в одной поэме *Про это* [8, III, с. 89] она их насчитала сто двадцать пять. Что касается частеречной принадлежности, то среди всего количества неологизмов в его поэзии, как указывает Гумески, можно выделить девятьсот сорок одно имя существительное, пятьсот девяносто шесть прилагательных и четыреста двадцать два глагола. Наш интерес привлекают именно адъективные неологизмы, так как мы исходим из тезиса, что некоторые неологизмы могут возникать путем метонимического

сжатия (часто с опорой на ассоциации), в результате акцентуации автором неологизма самой характерной черты описываемого объекта. Именно метонимию можно охарактеризовать как “сжатое” описание. Более того, описание объекта, его характеристика традиционно реализуются при помощи имен прилагательных, которые приписывают существительным различные атрибуты, определяют их. Считаем, что именно метонимия послужила Маяковскому средством создания новых слов не только в категории прилагательных, но и среди других частей речи. Неологические исследования Гумески мы сопоставим с данными работы В.Н. Валавина [1], представляющей окказионализмы Маяковского в словарном виде.

Вторая часть нашего текста посвящена анализу роли и места неологизмов Маяковского в современном русском языке. Мы сосредоточимся не только на их бытовании и устойчивости в языке, но также обратим внимание на их семантику, которая могла в некоторых случаях постепенно измениться. Сначала мы выделим группу неологизмов, которые Гумески характеризует как новые составные слова, возникшие путем соединения двух самостоятельных единиц. Это или две самостоятельные лексические единицы, уже существовавшие в языке, или одна из них является авторским неологизмом. Мотивировкой нашего отбора было стремление исключить из рассмотрения слова, возникновение которых определила поэтическая необходимость (например, рифма). Не рассматриваем также неологизмы, полученные при помощи префиксов (и суффиксов), т.е. те, о возникновении которых невозможно достоверно судить, появились ли они путем игры слов или по иному замыслу автора³, и слова – неологизмы, возникшие простым графическим соединением самостоятельных слов или их частей через дефис⁴.

Метонимия как источник образования неологизмов

Метонимия как средство пополнения словарного запаса и образования поэтических эпитетов была уже неоднократно описана в научной литературе [9, с. 111–131], также [6]. Несмотря на это, мы считаем необходимым уделить внимание некоторым осо-

¹ Свою роль очень часто играла тенденциозность, временная обусловленность. Сравни неологизмы: коминтернина (Хорошо), буржуй-нуво (Лицо классового врага), фельд-маршалайший (15000000) и т.д. См. [8, V, с. 410; VI, с. 43; II, с. 84].

² “Неологизмы могут возникать в языке: 1) и как обозначение появляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т.д., 2) и как новое название того, что уже имеет наименование”. [12, с. 60].

³ В данном случае мы не отвергаем факт особенно частотного употребления Маяковским некоторых префиксов, особенно с глаголами, при помощи которых он стремился достичь интенсификации и пластичности высказывания. См. [5, с. 26–57].

⁴ По нашему мнению, таким путём можно соединить любые два слова или части слов.

бенностям метонимии, прежде всего, тем, которые являются опорными для нашего дальнейшего исследования.

По мнению многих ученых, различия между метафорой и метонимией проявляются в форме взаимосвязи, в которой находятся отдельные компоненты метафорического и метонимического оборотов в процессе образования этих тропов. Самое главное отличие заключается в том, что компоненты метонимии близкие, смежные во времени или пространстве, значит, нельзя говорить о совпадении или подобии внешних или внутренних признаков⁵. С точки зрения структуры синтагмы метонимию можно сравнить с эллипсисом, но, в отличие от него, отсутствие какого-либо компонента синтагмы в случае метонимии не воспринимается слушателем (читателем) как нарушение. В семантико-синтаксическом плане для метонимии характерна компрессия словосочетания,⁶ причем в данном случае можно говорить, скорее, о явлении лексико-семантическом, так как компрессию мы считаем принципом, при помощи которого были образованы новые лексические единицы – неологизмы. Интересным является замечание Бириха, касающееся различия между метонимией и синекдохой: Бирих указывает, что метонимическая модификация происходит только между понятиями, связанными условно (шляпа – человек), не каузально.⁷

⁵ См. [12, с. 335]: “Метонимия. Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление по смежности”. Также см. [13, с. 542]: “Метонимия – такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи или новой, а на основании смежности, т. е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени”. Также см. [14, с. 34]: “Vztah invariant a variantu má u metonymie jiný charakter než u metaforu. Zatímco lexikalizovaná metafora si zachovává něco ze základního nominativního významu, lexikalizovaná metonymie je autonomnější v tom smyslu, že v ní nenalzáme konstitutivní prvky prvotního významu. Souvisí to s tím, že soumezností vztah je vztahem vnějším, mimojazykovým, kdežto vztah podobnostní je vztahem vnitřním, významovým”.

⁶ См. [15, с. 22]: “Метонимия, как известно, появляется в результате синтаксического явления компрессии (сжатия, стяжения словосочетаний) и потому выступает как явление семантико-синтаксическое. ... Синекдоха в результате компрессии не образуется”. Компрессию можно иногда считать на первый взгляд формально бессмысленной, но в связи с метонимией она таковой не воспринимается (выпил две чашки).

⁷ См. [15, с. 22]: “Переносы типа синекдоха отмечаются преимущественно у названий таких смежных реалий, ча-

Петровский показывает еще один, для нашего анализа очень важный аспект метонимии, характеризующий ее как “сжатое описание”⁸, именно из-за того, что в процессе возникновения метонимии внимание было сосредоточено на доминанте, на том, что находилось в центре поля зрения автора метонимии⁹.

К неологическим прилагательным, которые возникают на метонимическом принципе, мы будем относить те новые слова, у которых находим: а) черты описания, как одно из условий возникновения метонимии, а не элемент сравнения, о котором можно говорить в связи с метафорой (учитывая также теорию Бириха об условной связи между компонентами описания); б) компрессию, которая не затрудняет понимание, а лишь модифицирует исходную семантику словосочетания и придает ей дополнительную нагрузку.

Структура адъективных неологизмов

Самая крупная группа адъективных неологизмов Маяковского – сложные слова, композиты, возникшие путем соединения имени числительного, наречия или местоимения и другого компонента, имеющие в своей семантике одну общую черту – множественность (числительные и наречия) и количественную комплексность, часто также с качественным оттенком (местоимения). Среди числительных находим часто соединение числительного высшего разряда (сто, тысяча, миллион, миллиард; остальные появляются реже) и другой лексической единицы. Среди наречий – единственная форма *много*; среди местоимений можно найти только определительное местоимение *весь*, которое в своей семантике также содержит количественный аспект, оттенок целостности.

Остановимся более подробно на первой подгруппе описываемых неологизмов – это композиты, полученные путем соединения числительного высшего разряда (сто, тысяча, миллион, миллиард) и других лексических единиц. Учитывая не только сам неологизм, но также его контекст, мы находим несколько общих черт, среди которых определяющей является выбор второго члена композита. Очень часто это качественные прилагательные, у которых на пер-

сти которых являются неотъемлемым компонентом целого...”.

⁸ См. [16, с. 437–438]: “Если метафору иногда определяют как сжатое сравнение, то метонимию можно было бы определить как сжатое описание”.

⁹ См. у Е.А. Некрасовой: “Метонимия – это ‘проекция’ какой-либо детали (части) на целое, которое не называется, но подразумевается”. См. [9, с. 119].

вый план выступает положительная и усилительная коннотация (прилагательное *сильный*). Такой тип связи способствует интенсификации значения всего композита. Довольно частотным является также соединение числительного с существительным, к которому было присоединено окончание прилагательного. Именно на примере таких композитов явно видно, как метонимический принцип мог служить Маяковскому при образовании неологизмов. Также эти примеры иллюстрируют общие закономерности, касающиеся выбора второй части сложного слова: числительные очень часто соединяются с именами существительными, которые **обозначают** части тела человека и элементы этих частей (голова в поэзии Маяковского нередко фигурирует в устаревшей форме глава, частотны и горб, зуб, лоб, рот, лицо) или части тел животных (крыло), а также городские объекты (дом, улица); многие из них можно считать доминантой, или выразительной, определяющей чертой человека, животного, города. Самыми частотными оказываются числительные *сто* (шесть раз) и *миллион* (семь раз, однократно разговорное *милльон*), меньше появляются композиты с числительным *тысяча* (три раза).

Неологизмы с главным компонентом в форме имени числительного¹⁰

Как было сказано выше, именно на примере композитов – неологизмов, возникших путем соединения числительного и существительного (с добавлением флексии прилагательного), хорошо видно, как служит метонимия Маяковскому в процессе образования новых слов. В стихотворениях Маяковского часто встречаются композиты с компонентом *сто*: *стоугольный*, *стодомый*, *стоводный*, *стоверстый*, *сторотый* и *столицый*, которые находятся в следующих контекстах:

и взроет / недра / шахтою / *стоугольный* / “Гигант” [8, VIII: с. 127]

Где бор был – площадь *стодомым* содомом [8, I: с. 164]

Стоводная удаль безудержной Волги [8, V: с. 177]
я, / как *стоверстую* подзорную трубу, / тихо шеищу сложил [8, III: с. 38]

Англичане / убажаются / и граммофоном *сторотым* / спускают / в танцах / пуза груз [8, V: с. 225]

Губ не хватит улыбке *столицей* [8, I: с. 187]

¹⁰ Примером послужат композиты с числительным *сто*, потому что они представляют собой группу самых употребимых и разнообразных неологизмов в творчестве Маяковского с первым компонентом в форме числительного.

На примере этих неологизмов подтверждается предположение, что их образование может быть связано с акцентуацией отличительной черты, которая выходит на передний план как доминанта в процессе описания. В неологизме *стоугольный* это высокая производительность – главный и ожидаемый атрибут шахты (гигант); плотная застройка (*стодомый*), как в библейском Содоме; обилие воды в реке (*стоводный*); лицо, как доминанта при описании человека, даже толпы людей (*столицый*)¹¹. В трёх примерах мы находим также условное соединение компонентов описания, что полностью совпадает с замечанием Бириха: в процессе создания неологизма *стоугольный* автор сосредоточился, по-видимому, на функции, способности шахты выдавать массу угля; так же, метонимическим путем, с опорой на функцию или возможности, которые нам дает подзорная труба, был образован неологизм *стоверстый*; неологизм *сторотый* (граммофон) акцентирует, скорее, деятельность этого носителя, возможность передать многоголосие. В трёх последних примерах акцент сделан на роль и функцию вещей, а не на их характерные внешние черты, поэтому следует помнить, что именно свойства могут оказаться более важными в процессе описания.

На примере большинства неологизмов можно также продемонстрировать эффект сжатия, которое мы отнесли к характерным чертам метонимии. Адъективные композиты *стодомый*, *стоводный*, *столицый* можно разделить на две самостоятельные единицы и присоединить к ним глагол *иметь*, который дополняет возникшую синтагму, и образует стандартное словосочетание (площадь имеет сто домов, толпа имеет сто лиц; ср.: в Волге течет сто гектолитров воды). Другие контексты также возможно расширить, хотя, таким образом мы получим более громоздкие конструкции: *стоугольный* – гигант, который способен произвести большое количество угля, *стоверстый* – подзорная труба, при помощи которой можно посмотреть за сто верст, *сторотый* – мелодию, которую играет граммофон, поет сто ртов.

¹¹ В данном случае можно говорить, полагаем, о семантическом неологизме. В словаре В.Н. Валавина [1, с. 520] прилагательное *столицый* сравнивается с прилагательным *столикий*, толкование которого привносит другую характеристику субъекта – его многообразность. Этот семантический аспект, судя по контексту, Маяковский не учитывает.

Неологизмы с главным компонентом в форме наречия

Похожую ситуацию находим у неологических композитов, возникших соединением наречия *много* и существительных, к которым добавлена флексия прилагательного. В поэзии Маяковского мы находим, например, эти четыре слова: *многолесый, многохамый, многолобий, многоуличный*. Они встречаются в следующих контекстах:

Вы рубите горы / и скат *многолесый*, / мостом / нависаете / в мелочь – ручьи. [8, III: с. 229]

Люди / или валялись, / как упившийся Ной, / или грохотали мордой *многохамой*! [8, II: с. 61]

Жестокий /солдатским богом божилась /роты, / билась об пол головой *многолобой*, / Кровь разжигалась, висками жилая. [8, I: с. 220]

А люди / уже / в *многоуличном* лоске / катили минуту, весельем расцвеченную. [8, II: с. 100]

Как и в предыдущих примерах, мы предполагаем возникновение этих неологизмов на основе описания, которое послужило началом метонимической компрессии: лесистые склоны горы (*многолесый*) – доминанта – обильная растительность гор; хам, получивший свое имя из-за ругательств, выходящих из его рта (*многохамый*), обозначением которого у Маяковского служит, по сути, сниженное экспрессивное слово *морда*¹²; лоб – доминанта головы (голова *многолобая*); и лоск, захватывающий все улицы революцией охваченного города (*многоуличный*). Все неологизмы акцентируют то, что находится на первом плане и привлекает внимание зрителя в описываемом объекте. Тезис, определяющий метонимию опорным средством конструирования подобных прилагательных, можно поддержать очевидным фактом сжатия, которое затрагивает все контексты: *многолесый* – скаты, полностью обросшие лесами; много лбов билось об пол; лоск покрыл почти все улицы города и т.д.

Неологизмы с главным компонентом в виде местоимения

С первого взгляда может показаться, что неологизмы, возникшие путем соединения местоимения *весь* и существительного с добавлением окончания имени прилагательного, благодаря семантике первого компонента композита, который включает в себе аспект множественности, близки или тождествен-

ны неологизмам из предыдущей группы. Более детальный анализ этих слов показывает, что процесс их образования был другим. Оказывается, что эти неологизмы возникли не благодаря концентрации Маяковского на самом центральном отличительном компоненте в ходе описания. В них проявляется другая семантическая черта – целостность, в связи с которой акцентируется, скорее, комплексность, чем количество, именно она модифицирует весь процесс порождения неологизмов, и, вероятно, и сам Маяковский образовывал эти слова с другой мотивацией. К этим неологизмам относятся: *всеводный, всенэповский, всехсветный* (последнее повторяется в поэзии Маяковского четыре раза). Неологизмы встречаются в нижеприведенных контекстах:

И волны / клянутся / *всеводному* Цику / оружие бурь / до победы не класть. [8, IV: с. 318]

Сколько / силы / экономится, / тратящейся /на *всенэповское* загорание. [8, VI: с. 232]

Будет день! / Пожар *всехсветный*, / чистящий и чадный. [8, III: с. 32]

Товарищи! / Вас, представляющих мир, / *Всехсветной* Коммуны Вестники, – [8, I: с. 257]

Во все /*всехсветные* лона / и песня / и лозунг текут. [8, VI: с. 294]

Новую найдем Россию. / *Всехсветную*! [8, II: с. 52]

Собирали для битв / Собирали в циф<ры> / *Всехсветную* голь вы / кругосветную голь вы / Собирали к сраженьям / и строили так [8, III: с. 67]

Очевидно, что эти неологизмы были созданы, прежде всего, с акцентом на комплексность, которая проявляется в их семантике. Эта комплексность, как нам представляется, не является доминантой при описании предмета, который соотносится с данными прилагательными. В семантике этих адъективных неологизмов, скорее, подчеркивается единство, всевластие, всеобъемлющий характер существительных, с которыми они связаны. Сжатость, которую мы находили выше, также проявляется, но в данных примерах ее точнее можно охарактеризовать как сжатие синтагмы, без исключения какого-либо компонента. Мы привели много отличий этой группы местоименных неологизмов, однако есть и общие черты, объединяющие их с предыдущей группой, это, прежде всего, их функция – интенсификация высказывания.

Неологизмы с главным компонентом в виде имени существительного

Следующая, большая по числу единиц группа неологизмов – это композиты, возникшие в результате слияния двух существительных с присоединением

¹² Ср. иное объяснение неологизма в словаре Валавина [1, с. 297–298]: Относящийся ко множеству людей, подобных Хаму. ... [Хам – библейский персонаж, сын Ноя, насмеявшийся над опьяневшим отцом].

окончания прилагательного. Все эти неологизмы объединяют родственные именные формы, при помощи которых они образованы. В одну из подгрупп входят лексические единицы, один из компонентов которого соотносится с частями тела человека. Речь идет опять о доминантах, привлекающих внимание (сердце, губа, лицо, ноги, зад, глаз и др.), или о человеческих действиях (крик, рёв, шопот, голос), которые также можно считать самыми выразительными. Другая подгруппа подобных неологизмов коррелирует с природными стихиями (огонь, гром), с которыми представление об интенсивности соотносится традиционно. Контексты, в которых выступают описываемые неологизмы, свидетельствуют о том, что источником их возникновения была метонимия:

Кто это, / кто? / Эта массомаяся / *быкомордая* орава? [8, I: с. 162]

Если Марс, / и на нем хоть один *сердцелюдый*, [8, III: с. 89]

Чье сердце / октябрьскими бурями вымыто, / тому ни закат, / ни моря *рёволицы*, / тому ничего, / ни красот, / ни климатов, / не надо — / кроме тебя, / Революция! *шопотоголосые* *кухарочки* хоры [8, V: с. 375]

Школа – / кино *америколицее*; / дав / контролерше / промежду глаз, [8, V: с. 77]

Иди! / Сунься носом. / За радио радио в воздухе пляшет. / Воздух / в сплошном / и *грозобуквам* ералаше. [8, III: с. 39]

Электричество / лей, / река-лиха! / Двигай фабрики / фыркком зловодым. / Слова и слова. / *Огнесловая* лава. [8, V: с. 378]

Чешут / языками / *чиновоустые*. [8, V: с. 335]

Мы сами теперь *громоногая* проповедь. / Идемте силы в сражении пробовать! [8, I: с. 257]

И снова / толпа / в поводу у дела, / *громоголосый* катился день ее. [8, I: с. 191]

Я б / нашел / слова / проклятья *громоустого*, [8, IV: с. 122]

Вокруг с лицом, / что равно годится / быть и лицом и ягодицей – / *задолицая* / полиция. [8, IV: с. 104]

Крестьяне, / коль вывод не сделаете сами – / вот он: / у образов не стойте разинями, / губой / не елозьте грязными образ_а_ми, / не христосуйтесь – / и не будете / *кобылогубыми* образинами. [8, III: с. 274]

Где бульвар / вздыхал / весною томной, / не таких / любовью / лития, – / *огнегубые* / вздыхают топкой домы, / рассыпаясь / звездами литья. [8, III: с. 261]

Октябрь прогремел, / карающий, / судный. / Вы / под его *огнепёрым* крылом / расставились, / разложили посудыны. [8, III: с. 96]

Кавказа / и Крыма *скалоликого*, [8, V: с. 73]

Хоть для правнуков, / не зря чтоб / кровью литься, / выплыви, / заступник *солнцелицый*. [8, IV: с. 115]

Двинулись, / предводимые некою / *радугоглазой* аптекою, / бутылки карболочные выдвинув в бойницы, / лазареты, / лечебницы, / больницы. [8, II: с. 74]

С помощью приведенных неологизмов Маяковский выделяет самую существенную черту описываемых объектов – человека, города (урбанистических элементов), природы (толпа людей, для которой характерен повышенный шум – толпа *громоголосая*; горные территории, известные своими скалами – Кавказ и Крым *скалоликий*; печь, в топке которой виден огонь – домна *огнегубая* и т.д.). Для этой группы неологизмов характерна также компрессия, сопровождающая порождение метонимии (существо, у которого сердце человека – *сердцелюдый*. У многих слов также можно обнаружить условность связи между отдельными компонентами (фильм, в котором можно видеть самые типичные американские лица – кино *америколицее*; и т.д.). Интересным считаем факт, что у некоторых неологизмов можно найти скорее метафорический перенос, например: “Октябрь прогремел, / карающий, / судный. / Вы / под его *огнепёрым* крылом / расставились, / разложили посудыны”. Этот случай можно отнести к метафорам, с помощью которых одному объекту приписываются свойства другого (по принципу реализации сравнения в метафорическом обороте)¹³ – оперённое огнем крыло птицы является метафорой революционной смуты.

Неологизмы с главным компонентом в виде имени прилагательного

Здесь главным считается первый, собственно адъективный компонент неологизма. Весьма многочисленной является также группа неологизмов, образованных при помощи прилагательного и существительного с добавлением адъективной флексии. Именно из-за первого адъективного компонента на передний план выходит ориентация их автора на самую характерную черту описываемого предмета. Часто встречаются качественные прилагательные, в семантике которых присутствует аспект качественности или

¹³ См. [17, с. 456]: “В зависимости от способа реализации принципа сравнения можно выделить три типа метафоры: I – метафоры, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом – *метафоры-сравнения*...; II – метафоры, в которых описываемый объект замещен другим объектом – *метафоры-загадки*...; III – метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта...”.

ценности априори (четыре раза повторяется прилагательное *золотой*, один раз в устаревшей форме *златой*; также прилагательное *медный*, которое связано с представлением о благородном металле). Контекст функционирования неологизмов вновь подтверждает тезис о метонимическом пути их создания:

За море *синевольное*, / за сто земель / и вод [8, VIII: с. 249]

Бойтесь пушкинистов. / *Старомозгий* Плюшкин, / перышко держа, / ползет с перержавленным. [8, IV: с. 51]

В-четвертых, / чтоб не подменяли / энергию масс / деятельностью / *староспецовского* лона, / изобретите / и усовершенствуйте / “ком-ватер-пас” / для выявления / руководительских / уклонов. [8, VIII: с. 79]

В небе моего Вифлеема / никаких не горело знаков, / никто не мешал / могилами / спать *кудроголовым* волхвам. [8, I: с. 191]

я уверен, – / не вы, / я знаю, – / над вами / смеется товарищ Шарло. / *Жирноживотые*. / Лобоузкие. / Европейцы, / на чем у вас пудры пыльца? [8, III: с. 249]

Детка! / Не бойся, / что у меня на шее воловьей / *потноживотые* женщины мокрой горою сидят, – [8, I: с. 116]

Морей неведомых далеким пляжем / идет луна – / жена моя. / Моя любовница рыжеволосая. / За экипажем / крикливо тянется толпа созвездий *пестрополовая*. [8, I: с. 32]

Баку *плоскокрыший*. [8, V: с. 369]

И, образ подняв, / выходят когда / на *толстожурнальный* амвон, / я, [8, V: с. 182]

Прямо / перед мордой / пролетает вечность – / *бесконечночасый* распустила хвост. [8, IV: с. 390]

Мы / сомкнулись красными ротами. / Быстра шагов *краснофлагих* гряда. / Никакой не посмеет ротмистр / сыпать пули по нашим рядам. [8, III: с. 184]

что в нас / ушедшим рабым вбито, / всё, / что мелочиным роєм / оседало / и осело бытом / даже в нашем / *краснофлагом* строе. [8, III: с. 89]

И глядишь на нее, / и идешь знаменосцем, / *красношелкий* огонь над землей знамени. [8, III: с. 89]

Сюда, / под траур / и плеск *чернофлажий*, / пока / убитого / кровь горяча, / бежал, / от тревоги, [8, V: с. 444]

торжеством *яркоогним* / сияет нагло у ночи из лап. [8, III: с. 119]

В одну благодарность сливаем слова / тебе, / *краснозвездная* лава. [8, II: с. 102]

А на фронте / враг / видит: / полк с дырой, / враг / пролазит / щелью этою. / А за ним / и *золотозадый* / рой / лезет в дырку, / блестит эполетою. [8, II: с. 39]

Врачи / одного / вынули из гроба, / чтоб понять людей небывалую убыль: / в прогрызанной душе / *золотоланым* микробом / вился рубль. [8, II: с. 69]

А над ними, / выше еще – / двое великанов. / Встал *золототелый*, / молит: / Ближе! [8, I: с. 158]

Я крикнул солнцу: / “Погоди! / послушай, *златолобо*, / чем так, / без дела заходить, / ко мне / на чай зашло бы!” [8, II: с. 20]

Собрать бы молнии / да отсюда / в *золотооконый* / в этот самый / в Мулен / в Руж... [8, III: с. 75]

Во весь / *медногорлый* / гудочный клич, / всеми / раскатами / тракторного храпа, / тебе, / товарищ / Владимир Ильич, [8, VIII: с. 172]

Нет, / свои, / баррикадные звуки / нашел / гудков / *медногорлый* оркестр. [8, V: с. 38]

Долг наш – / реветь / *медногорлой* сиреной / в тумане мешанья, / у бурь в кипенье. [8, V: с. 33]

Баарбей! / Баарбань! / Баарабан! / Эй, *стальногрудые*! / Крепкие, эй! / Бей, барабан! / Барабан, бей! [8, II: с. 63]

Мой / неодолимый / *стальнорукий* класс, – [8, III: с. 244]

По улицам! / На крыши! / За солнца! / В миры – / слов *звонконогие* гимнасты! [8, II: с. 62]

Доминанта предмета во всех этих случаях снова сыграла свою роль в процессе его описания и стала источником вдохновения их автора (цвет волн – За море *синевольное*; багровый цвет флагов над головами толп, привлекающий внимание – Быстра шагов *краснофлагих* гряда и *краснозвездная* лава; и др.). В ряде случаев также можно обнаружить компрессию, подтверждающую наше предположение о метонимическом источнике неологизмов (волны, имеющие синий цвет, кто-то имеет старый мозг, в Баку все крыши плоские, торжество сияет ярким огнем и т.д.). Как и в предыдущей группе находим здесь также и метафорический перенос, например, в обороте: “*красношелкий* огонь над землей знамени”, который можно охарактеризовать как метафору, при помощи которой одному объекту приписывается свойство другого объекта¹⁴ – нежность шелка и свет огня.

Последняя группа содержит сложные слова, которые формируются из существительного и прилагательного; существительного и глагола с адъективным окончанием, глагола и существительного с адъективной или наречной флексией; и существительные / прилагательные / глаголы с окончанием прилагательных. У всех этих неологизмов также необходимо констатировать схожие принципы и условия их обра-

¹⁴ См. выше ссылка 13.

зования, которые мы приводили выше. Исключением является последняя группа – аббревиатуры плюс существительное / прилагательное / глагол. В этих случаях найти метонимическую мотивировку нельзя (авиобольный, аэрокрылый, совпревосходительный, совмещанский). Эта группа только подтверждает общее стремление русского языка к языковой экономии и также общую особенность лексики того периода – советизированной, избыливающей сокращениями и аббревиатурами.

Последующая жизнь неологизмов

Маяковского

Говоря о последующей жизни неологизма в языке, ключевым моментом признается его внедрение в языковую строй, а также его кодификация и последующее внесение в словарь. Из группы рассматриваемых адъективных неологизмов это удалось лишь небольшому количеству слов. Русско-чешский словарь¹⁵ приводит лишь одно слово: *стосильный*¹⁶, которое используется в технической области: “*tech. (мотор) o sto koňských silách, mající sto koňských sil*”. Из ста рассматриваемых слов¹⁷ можно в интернете отыскать шестьдесят, некоторые из них только как теоретически возможные словарные формы, у которых отмечена их неологичность (многолобый, спящелобый, чернофлажий, зловодый, чиновноустый, громоустый и др.); например, прилагательное *медногорлый* приводится только как пример неологизма Маяковского.

Некоторые неологизмы¹⁸ перешли из поэтического языка в общий. Пятнадцать единиц из рассмотренных выше встречаются в корпусе, некоторые с

¹⁵ См. <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index.html>, s. v. (последний доступ 16.8.2018).

¹⁶ Ася Гумески в своей книге [7] приводит еще один адъективный неологизм Маяковского (всевластный), который также можно найти в Русско-чешском словаре и который был даже кодифицирован, но дальнейшее исследование доказывает, что происхождение этого неологизма нельзя связывать с творчеством Маяковского, так как это слово появляется уже в 1846 г, см. <http://ruscorpóra.ru/search-main.html>, s. v. всевластный. Данный факт подтверждает словарь В.Н. Валавина [1, с. 86–128], который прилагательное *всевластный* также не приводит.

¹⁷ Рассматривались оригинальные формы, и исходные формы в мужском роде.

¹⁸ Например неологизм *сторотый*, который в своем стихотворении использовал Г. Сухман, см. (<https://stihl.ru/2008/01/21/3976>) (последний доступ 7.2.2018), или неологизм *миллионнолобый*, который нашел свое применение в современной литературе, не изменив свою семантику со

удивительной частотностью. Прежде всего, это слово, которое зафиксировано в Русско-чешском словаре – *стосильный*, а также некоторые другие. Слово *стосильный* встречается в русском корпусе лишь в технических контекстах, чем подтверждает свою словарную дефиницию и стилистические особенности. Интересен тот факт, что его употребление, согласно данным корпуса, непрерывно с начала двадцатого века до наших дней. Мы считаем, что приписывать его создание Маяковскому ошибочно, так как оно употреблялось и до него¹⁹. Этот факт подтверждает также Валавин²⁰, не включая его в свой словарь. Вопреки приведенным фактам, мы решили не исключать его из нашего списка, потому что это прилагательное было использовано всего на два года раньше, чем оно зафиксировано у Маяковского, который его употребляет в своей поэзии повторно (1919–1920, 1922)²¹. Кроме того, важно учитывать возможность создания одного и того же неологизма разными авторами независимо друг от друга.

Далее обратим внимание на те неологизмы, для которых находится опора в русском корпусе, и попробуем рассмотреть их жизнеспособность вне поэзии Маяковского. Речь идет о двенадцати словах: *двухметроворостый, стоверстный, миллионнолобый, тысячесильный, многоуличный, плоскокрыший, толстожурнальный, краснозвездный, золотозадый, златолобый, громоголосый, огнепёрый*²².

Первый неологизм, который нашел свое место не только в разговорном языке, но и в литературе, также находит свое применение как урбаноним²³ – *краснозвездный*. В отличие от таких неологизмов как *толстожурнальный, тысячесильный* и *огнепёрый*, авторство которых ошибочно приписывается Маяковскому, по поводу неологизма *краснозвездный*, можно со всей ответственностью утверждать, что его автором является именно Маяковский, о чем и свидетельствует корпус. Его первое появление полностью

времен Маяковского: “Миллионнолобый город жил своей жизнью”, см. (<http://mreadz.com/read-80405/p4>) (Э. Гасонов, *Черная черта*; последний доступ 16.8.2018).

¹⁹ См. <http://ruscorpóra.ru/search-main.html>, s. v. стосильный (последний доступ 16.8.2018).

²⁰ См. [1, с. 482–528].

²¹ См. <http://ruscorpóra.ru/search-main.html>, s. v. стосильный (последний доступ 16.8.2018).

²² Пропустим один, уже обследованный неологизм: *стосильный*.

²³ В 1974 получила название Краснозвездная улица в Киеве, ее название изменилось в 2015 году; до сегодняшних дней несет это название улица в Минске.

совпадает с датировкой стихотворения Маяковского, в котором это слово было употреблено.²⁴ С точки зрения активности этого слова в живом языке, можно отметить, что оно активно использовалось, прежде всего, в сороковых и семидесятых годах двадцатого века, и после снижения частоты его употребления в конце двадцатого века оно активно возвращается в язык в первом десятилетии двадцать первого века²⁵. Корпус также дает нам информацию о сферах употребления этого слова – это художественная литература и публицистика, где оно используется без изменения своих семантических и стилистических особенностей²⁶. Не менее интересным считаем факт, что данное прилагательное отсутствует в словаре Валавина²⁷. По нашему мнению, данный неологизм Маяковского не вошел в словарь именно из-за его широкого употребления в языке, так что в настоящее время это прилагательное уже не воспринимается как новообразование.

Другим неологизмом, который можно найти в корпусе и также в словаре Валавина, является прилагательное *стоверстый*²⁸. Этот неологизм позже употребляет П.Н. Васильев в своем стихотворении 1931 года²⁹, где автор использует его в тождественном значении. Однако интернет свидетельствует об употреблении этого слова и в нынешнее время. Прилагательное *толстожурнальный*, можно опять найти в корпусе и также в словаре В.Н. Валавина³⁰, но как дальше показывает корпус, оно было употреблено в идентичном значении А.В. Амфитеатровым в 1914 году, т.е. на тринадцать лет раньше Маяковского³¹. Ту же ситуацию можно обнаружить в связи

с неологизмом *тысячесильный*, который можно в корпусе найти уже в текстах с 1879 года³². Вопреки тому его опять включает даже словарь В.Н. Валавина³³. Самой интересной оказывается судьба неологизма *огнепёрый*³⁴, который был употреблен на пять лет раньше Маяковского – С.А. Есениным в той же метафорической функции в его произведении “Яр” в 1915 году³⁵. Можно лишь предполагать, какой именно источник использовал Маяковский. Жизнь следующего неологизма, как указывает корпус, была не очень длинна. Прилагательное *плоскокрыший* использовала М. Цветаева, только на три года позже Маяковского и с идентичной семантикой – “плоскокрыший дом”³⁶.

Много неологизмов переживает удивительный ренессанс в начале двадцать первого века:

Двухметроворостый: корпус показывает, что это слово было употреблено дважды в начале XXI века, то есть спустя почти век после его первого употребления Маяковским. Интересным является то, что это слово используется не только в художественной литературе³⁷, но также в публицистике³⁸. Время не изменило ни его семантику, ни стилистическую окраску.

Миллионнопалый: это прилагательное находит свое место в газетах, было несколько раз употребле-

создававшего нарочных реакционеров и притворных индифферентистов, которыми так богаты были именно девятые годы”.

³² См. [8, VI: с. 399]: “В тысячесильной мощью машин”, стихотворение с 1928 года – *Технике внимания видать ли?*; см. также рассказ Гаршина *Художник* (1879): “Точно огромный тысячесильный насос, выкачивающий воду из бездонной пропасти, качается и шумит, и слышатся глухие раскаты падающей воды и удары машины”.

³³ См. [1, с. 546].

³⁴ Опять его фиксирует также словарь В.Н. Валавина. См. [1, с. 347].

³⁵ См. Стихотворение Маяковского *Про это* [8, III: с. 89]: “Октябрь прогремел, / карающий, / судный. / Вы / под его огнепёрым крылом / расставились, / разложили посудины”. И у Есенина: “Куры, с кудахтаньем и хлопя крыльями, падали наземь, а сердитый огнепёрый петух, нахохлившись, кричал на дьякона и топоршил клювом”. См. <http://www.pereplet.ru/moshkow/POEZIQ/ESENIN/yar.html> (последний доступ 16.8.2018).

³⁶ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. плоскокрыший (последний доступ 16.8.2018).

³⁷ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. двухметроворостый (последний доступ 16.8.2018).

³⁸ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. двухметроворостый (последний доступ 16.8.2018).

²⁴ Стихотворение *Последняя страничка гражданской войны*, датировка 1920–1921.

²⁵ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. краснозвездный (последний доступ 16.8.2018).

²⁶ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. краснозвездный (последний доступ 16.8.2018).

²⁷ См. [1, с. 225–257].

²⁸ См. [1, с. 519].

²⁹ См. <http://ruscorpора.ru/index.html>, s.v. стоверстый (последний доступ 16.8.2018).

³⁰ См. [1, с. 535].

³¹ См. [8, V: с. 182]: “И, образ подняв, / выходят когда / на толстожурнальный амвон, / я, / каюсь, / во храме / рвусь на скандал, / и крикнуть хочется: / – Вон! –”; также “Десятилетняя годовщина” см. в [18, с. 65]: “Суворин спас Чехова и от опасности истрепаться в безразличной мелкой работе, и от насильственной дрессировки своего таланта по трафарету тогдашних передовых толстожурнальных программ, и от озлобления экзаменующею диктатурою,

но в печати в 2004–2008 годах³⁹, в некоторых случаях авторы прямо ссылались на творчество Маяковского. Его семантика осталась неизменной.

Многоуличный: это прилагательное находит применение опять в начале XXI века в публицистике, не изменив свою семантику со времен Маяковского – “многоуличные села”⁴⁰.

Золотозадый: начало двадцать первого века вновь возвращает в оборот этот неологизм. Прилагательное находит свое место в художественной литературе с тождественной семантикой, как было использовано Маяковским⁴¹.

Громоголосый: аналогичная ситуация, появление прилагательного *громоголосый* в художественной литературе, как свидетельствует корпус, произошло в начале нашего века и подтверждает также устойчивость его значения⁴².

Златолобый: этот композит был образован из двух существующих слов (златой и лоб), его жизнеспособность, как указывает корпус, велика именно в художественной литературе. Данный неологизм находится в словаре Валавина⁴³ и в корпусе, где приводится пример его употребления уже в 1915 году – за пять лет до Маяковского. Однако можно считать нашего автора создателем этого неологизма: Маяковский в первый раз употребляет это слово, обращаясь к солнцу, и именно этот аспект семантического сдвига присутствует и в дальнейшем употреблении этого композита. В 1915 году это прилагательное использовалось в переносном значении как синекдоха, для названия лица в военной шапке. Маяковский его семантику расширяет, употребляя это слово для олицетворения солнца, и эта его расширенная семантика сохраняется до сих пор.

* * *

Несмотря на то, что из огромного количества неологизмов, которые действительно создал Маяковский или чье авторство только приписывается Маяковскому, в современном русском языке сохранились немногие, необходимо констатировать, что некоторые из них все же прочно закрепились в языке, дру-

гие дождались своего возвращения в оборот и даже в язык литературы, а один неологизм (*стосильный*) был кодифицирован, и его можно найти в словаре. Возможно, создание кодифицированного неологизма *стосильный* приписывается Маяковскому ошибочно, но именно он внес, благодаря повторному употреблению в своей поэзии, существенный вклад в его распространение. Более подробный анализ употребления этого неологизма показал постепенное сужение его семантики, что совпадает также с его словарной дефиницией – как лексической единицы технического характера. То, что создание некоторых неологизмов было приписано Маяковскому по ошибке⁴⁴, вызвало наш интерес и позволило нам найти источник некоторых других приписываемых Маяковскому прилагательных, как, например, *огнепёрый*, которое является, по-видимому, заимствованием из поэзии С. Есенина.

На рассмотренной группе неологизмов удалось подтвердить исходное предположение, что принципом образования неологизмов у Маяковского является метонимия. Большинство неологизмов возникало благодаря акцентированию внимания Маяковского на самой характерной черте описываемого объекта и необходимости сжато выразить свои мысли, что позволяет именно метонимическая компрессия. Несмотря на то, что часто Маяковского называют поэтом метафор, оказывается, что не менее сильную позицию в его творчестве имело сознательное употребление метонимии, а также взаимосвязь словесного и изобразительного искусства [10], также [11], что подтверждает принцип образования его неологизмов, в котором сыграла свою роль визуальная сторона как важнейший аспект в процессе описания объекта. На этом материале ярко подтверждается идея, что Маяковский стремился в своем творчестве постоянно соединять разные принципы – словесные и изобразительные – в одно захватывающее целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валавин В.Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов. Около 3500 слов. М.: Азбуковник, 2010. 624 с.
2. Винокур Г.О. Маяковский новатор языка. М.: Советский писатель, 1943. 136 с.
3. Jakobson R. O generaci, která promrhala své básníky. // Poetická funkce. Jinočany, 1995. P. 690–714.

³⁹ См. <http://ruscorpora.ru/index.html>, s.v. миллионнопалый (последний доступ 16.8.2018).

⁴⁰ См. <http://ruscorpora.ru/index.html>, s.v. многоуличный (последний доступ 7.2.2018).

⁴¹ См. <http://ruscorpora.ru/index.html>, s.v. золотозадый (последний доступ 7.2.2018).

⁴² См. <http://ruscorpora.ru/index.html>, s.v. громоголосый (последний доступ 7.2.2018).

⁴³ См. [1, с. 200].

⁴⁴ Например, выше упомянутый неологизм *всевластный*, который в корпусе приводится уже в 1846 г.

4. *Гаспаров М.Л.* Идиостиль Маяковского. // Избранные труды П. М., 1997. С. 383–415.
5. *Kitzlerová J.* Od slova k revoluci. Poetický svět raného Majakovského prizmatem lingvistické analýzy. Praha, 2014.
6. *Гинзбург Е.Л.* Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимии. М.: Наука, 1985. 224 с.
7. *Humesky A.* Majakovskij and His Neologisms. New York, 1964.
8. *Маяковский В.В.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1968.
9. *Некрасова Е.А.* Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики. // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 111–131.
10. *Кицлерова Я.* К месту лозунгов в поэзии и изобразительном искусстве Маяковского (1917–1918 годов). *Anzeiger fur Slavische Philologie*. Graz, 2013. 51–74.
11. *Kitzlerová J.* Principy futurismu a kubofuturismu v poezii raného Vladimíra Majakovského. *Svět literatury* 57. Praha, 2018. 37–48.
12. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
13. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967.
14. *Chlupáčová K.* K otázkám metaforizace a metonymizace substantiv v ruštině. *Bulletin Ruského jazyka a literatury* 22. Praha, 1979. 23–35.
15. *Бирих А.* Метонимия в современном русском языке, семантический и грамматический аспекты. München, 1995. 191 с.
16. *Петровский М.* Метафора // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т.1. С. 434–437.
17. *Левин Ю.И.* Структура русской метафоры // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–464.
18. Телхранитель России: А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001.
19. Rusko-česká slovníková databáze. <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index.html>. Последний доступ 7. 8. 2018.
20. Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru/index.html>. Последний доступ 7. 8. 2018.
21. *Есенин С.А.* Яр. <http://www.pereplet.ru/moshkow/POEZIQ/ESENIN/yar.html>. Последний доступ, 7.2.2018.
2. *Vinokur, G.O.* Mayakovsky the Language Innovator. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1943. 136 p. (In Russ.)
3. *Jakobson R.* On Generation that Wasted Its Poets. *The Poetic Function*. Jinočany, 1995. P. 690–714.
4. *Gasparov, M.L.* The Idiostyle of Mayakovsky. *Gasparov, M.L. Collected Papers*. Moscow, 1997. P. 383–415. (In Russ.)
5. *Kitzlerová J.* From Word to Revolution. The Poetical World of Early Mayakovsky through the Prism of Linguistic Analysis. Praha, 2014.
6. *Ginzburg, Je.L.* The Polysemantic Constructions in Russian. Taxonomy and Metonymy. Moscow, Nauka Publ., 1985. 224 p. (In Russ.)
7. *Humesky A.* Majakovskij and His Neologisms. New York, 1964.
8. *Majakovskij, V.V.* Collected Works in Eight Volumes. Moscow, Pravda Publ., 1968. (In Russ.)
9. *Njekrasova, E.A.* Metonymical Transfer with Regard to Some Problems of Linguistic Poetics. *The Word in Russian Soviet Poetry*. Moscow, 1975. P. 111–131. (In Russ.)
10. *Kitzlerova, J.* On the Function of Paroles in the Poetry and Visual Art of Mayakovsky. *Anzeiger fur Slavische Philologie*. Graz, 2013. P. 51–74.
11. *Kitzlerová J.* The Principles of Futurism and Cubofuturism in the Poetry of Early Mayakovsky. *Svět literatury* 57. Praha, 2018. P. 37–48.
12. *Šmjeljev, D.N.* Contemporary Russian. The Lexicon. Moscow, Prosvetshenie Publ., 1977. 335 p. (In Russ.)
13. *Reformatskij, A.A.* Introduction to Linguistics. Moscow, 1967. (In Russ.)
14. *Chlupáčová K.* On Metaphorisation and Metonymisation of Substantives in Russian. *Bulletin Ruského jazyka a literatury* 22. Praha, 1979. P. 23–35.
15. *Birich, A.* The Metonymy in Contemporary Russian. The Aspects of Semantics and Grammar. München, 1995. (In Russ.)
16. *Pjetrovskij, M.* Methaphor. *The Encyclopedia of Literature. Dictionary of literary terms in 2 vols*. Moscow, 1925. Vol. 1. P. 432–437. (In Russ.)
17. *Levin, Ju.I.* The Structure of Russian Metaphor. *Levin, Ju.I. Collected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. P. 462–463. (In Russ.)
18. *Bodyguard of Russia. A.S. Suvorin in the Memories of His Contemporaries*. Voronezh, 2001. (In Russ.)
19. The Russian-Czech Dictionary Database. <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index.html>. 7.8.2018.
20. The Russian National Corpus. <http://ruscorpora.ru/index.html>. 7.8.2018.
21. *Jesenin, S. A.* The Ravine. <http://www.pereplet.ru/moshkow/POEZIQ/ESENIN/yar.html>. 7.2.2018.

REFERENCES

1. *Valavin, V.N.* The Word Formation of Mayakovsky. The Dictionary of Occasionalisms. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 624 p. (In Russ.)